

УДК 81.22

Лихачёв С.В.

Московский городской педагогический университет

СИСТЕМА УЧАСТНИКОВ ОБЩЕНИЯ В УТИЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

S. Likhachev

Moscow City Pedagogical University

PARTICIPANTS COMMUNICATION SYSTEM IN THE PRACTICAL DISCOURSE

Аннотация. Статья освещает актуальный вопрос изучения речи, коммуникативных ролей участников речевого общения. Автор изучает проявление в утилитарном дискурсе различных субъектов, чей коммуникативный вклад существен для общения. Анализ позволяет установить девять возможных коммуникативных ролей. Однако некоторые роли могут совмещаться, таким образом, в общении могут участвовать минимум два субъекта. В основе исследования лежит анализ малых письменных текстов используемых в повседневной жизни: от указателей до эпитафий. Выводы о возможном участии в общении более чем двух коммуникантов справедливы именно для данного материала.

Ключевые слова: дискурс, общение, коммуникант, надпись, текст.

Abstract. The article highlights the urgent question of speech study, the communicative roles of participants of verbal communication. The author studies in a practical discourse different subjects, whose communicative impact is essential for communication. The analysis makes it possible to define nine possible communicative roles. However, some roles can be combined, and there are at least two subjects in communication. The study is based on analysis of small written texts used in daily life from pointers to epitaphs. The findings on possible participation of over two communicants in a dialogue is valid for this material.

Keywords: discourse, communication, communicant, inscription, text.

Вопрос об объёме и границах дискурса является проблемным. В настоящей статье ставится цель определить рамки дискурсивной ситуации в области количества и состава её участников, учитывая, что «предметом исследования анализа дискурса служит не столько сама по себе дискурсивная формация, сколько границы её образования» [7, с. 29].

В исследовании участников общения использование надписей на указателе, вывеске, табличке или другом артефакте, образующих утилитарный дискурс в своей взаимосвязи, помогает решить «проблему наблюдателя», как обозначил её М. Макаров: «Если информанты знают или подозревают, что за ними наблюдают, то их речь обычно становится менее непринуждённой, происходит сдвиг в сторону более формального стиля общения» [3, с. 104]. В настоящей статье изучаются повседневные тексты, которые существовали до появления в ситуации исследователя, автор не корректировал речевого поведения для стороннего наблюдателя.

В лингвистике и теории коммуникации сложилось более или менее единое понимание элементов и участников коммуникации: в коммуникации задействованы две стороны, получающие разные названия: *адресата* и *адресанта* (*говорящего* и *слушающего, отправителя* и *получателя*). Хотя есть и отдельные случаи усложнения этой картины. Как заметила

О.Г. Ревзина, одна из особенностей взгляда на дискурс «Э. Бенвениста состоит в разделении говорящего и производителя акта высказывания, т. е. говорящий может производить чужое высказывание» [6, с. 26]. Адресата речи тоже в отдельных случаях разделяют: «Говорящие осуществляют речевые акты не только по отношению к адресатам, но и по отношению к определённым кругам других слушающих» [2, с. 271]. Сложную систему из 9-ти участников коммуникации разработал Е.Ф. Киров [1, с. 243 – 250]. Однако учёт в лингвистическом анализе кого-либо, кроме адресата и адресанта, не всегда считают возможным: «Коммуникантов <...> можно разделить на две категории: 1) обязательные: а) адресат, б) адресант; 2) факультативные, являющиеся косвенными участниками общения: а) слушатель, или «наблюдатель» <...>, б) посредник (гонимый, вестник, декламатор) – лицо передающее информацию от адресата к адресанту. <...> Факультативные элементы включать в определение коммуникации нельзя» [4, с. 49].

Изучение участников общения в рамках утилитарного дискурса может укладываться в традиционную схему коммуникации с адресатом и адресантом, но только в случае, если нас не интересуют все подробности передачи сообщения. В частности, для текстов рыночных торговцев подходит именно такая модель анализа. Например, сообщение «Картофель 8 р, лук 7 р обращаться к арбузам» сочинено, графически оформлено по своему желанию одним продавцом и адресовано каждому покупателю. Но имеются и другие случаи, где точное понимание утилитарного дискурса возможно только при условии расширения и детализации представления о коммуникантах. «Целью анализа дискурса является выработка метода понимания продуктов речевой деятельности» [5, с. 197], что даёт основания усложнять представления об участниках общения.

Обратимся к примеру текста на памятнике в некрополе (собственные имена заменены по этическим соображениям): «Сидоров

Иван Петрович 5.06.1934 – 27.12.2009 Слова и слёзы бессильны передать всю глубину нашего горя». Фамилия написана сверху по центру со смещением влево на расстояние одного символа, имя, отчество и даты – на левой половине памятника, траурная часть текста – ровно по центру, внизу, так, что между верхней и нижней частью текста остаётся свободное пространство, приблизительно равное верхней части без фамилии.

Притяжательное местоимение «нашего», использованное в траурной части, указывает на адресанта, что следует из формы первого лица, причём адресант этот коллективный, о чём говорит форма множественного числа. Определяемое местоимением *нашего* существительное *горя* сообщает, что те, от чьего лица идёт речь, скорбят об усопшем, т. е. являются близкими.

Вместе с тем известно, что траурная часть текста сочинена не близкими усопшего, поскольку встречается в списках надгробных текстов в агентствах ритуальных услуг. Таким образом, сам автор (сочинитель) ритуальной части теста не знаком с усопшим, а созданное им послание – продукт коммерческий, следовательно, личных чувств в тексте не проявлено.

Итак, адресант текста разделяется на собственно сочинителя слов и говорящего, покупателя слов, который позиционирует этот текст от своего лица. Причём каждый передал в тексте своё послание: сочинитель – абстрактные представления, обусловленные гипотетической ситуацией, а близкие – личную скорбь об усопшем. Учитывая возраст усопшего, можно предположить, что среди близких, которые объединены словом «наших», могла быть жена, а также дети и внуки.

Обратимся к анализу верхней, анкетной, части надписи. Смещение фамилии на одну букву предполагает возможность преобразования единственного числа во множественное, добавлением буквы «ы». Причём совет расположить фамилию именно так, даёт родственникам усопшего гравировщик, что установлено исследователем в реальном об-

щении. Пространство между частями текста оставлено для имени, отчества и фотографии родственника усопшего, который носит одну фамилию, пока ещё жив. Таким образом, текст предполагает расширение. Эту часть смысла создал не сочинитель, и не отправитель (родственник усопшего), а физический исполнитель – третий участник структуры адресанта сообщения.

Помимо этих трёх участников предполагается фигура контролёра, который утвердил список предлагаемых текстов и одобрил консультативную деятельность гравёра, не входящую в его прямые обязанности. Но и на этом детализация структуры отправителя сообщения не заканчивается и идёт ещё глубже: фигура адресанта включает, с одной

стороны, его речевой образ, куда, в частности, относятся личные формы, с другой стороны, образ отправителя высказывания, интенции которого оно реализует. В приведённом примере речевой образ говорящего объединяет близких покойного, но решать, какой будет надпись, мог только один из них.

Адресат анализируемого текста также неоднороден. Во-первых, это сами близкие усопшего. Во-вторых, это просто знакомые с ним люди. В-третьих, это множество чужих людей. Содержание ориентировано на все группы: на первую ориентировано выражение скорби, на вторую и третью – анкетные данные. Для дальнейшего анализа упорядочим терминологию.

Таблица.

Роли участников общения: терминологический аппарат

<i>Термин</i>	<i>Содержание понятия</i>	<i>Примеры</i>
Автор	Создатель речевого единства	Сочинитель, составитель,
Говорящий	Внутритекстовое первое лицо	Я, мы
Отправитель	Субъект, решивший актуализировать реплику в ситуации	Рассказчик, экзаменатор, спрашивающий
Исполнитель	Человек, распространяющий знаки текста физически	Гонец, декламатор, певец, гравёр, наборщик.
Контролёр	Ответственное за текст лицо	Редактор, модератор
Слушатель (читатель)	Предмет, обозначенный вторым лицом, обращением	Помимо получателя, животное, шкаф и др.
Получатель	Тот, на кого направлены интенции отправителя	Собеседник, оппонент, прямой интерпретатор
Наблюдатель	Присутствующий при коммуникации человек	Свидетель, оценивающий, косвенный интерпретатор

Из таблицы видно, что разные роли участников может выполнять одно и то же лицо, например, говорящий и отправитель преимущественно совпадают, если же их роли выполняют разные люди, то мы имеем дело со специфической коммуникацией: допросом, экзаменом, интервью, руководством. Чтобы не разделять коммуникации на виды по набору ролей участников, предположим, что все роли облигаторны, но количество реальных коммуникантов им не равно, так как роли может совмещать одно лицо.

Так, в случае использования на автомобиле, сзади, текста «Ненавижу дачников» ав-

тор, говорящий, отправитель, исполнитель и контролёр совпадают в лице владельца машины. Это значит, что он составил текст, обозначен первым лицом глагола «ненавижу», решил расположить текст на машине, кустарно изготовил буквы, и принял на себя ответственность за высказывание, он является адресантом, соединяющим все роли. Адресат – водитель следующей позади машины – соединяет в себе роли слушающего, получателя и наблюдателя, т. е. является тем, к кому обращаются, кого информируют и тем, кто может дать отстранённую оценку высказыванию.

Роли слушателя и получателя сообщения не совпадают в тексте на витрине зоомагазина: «Заходи сам – приводи хозяина», так как местоимение «сам», называет слушающего, т. е. указывает на существо, у которого есть хозяин, т. е. на животное, не способное прочитать вывеску, следовательно, тот, кто описан с использованием форм второго лица, получателем сообщения не является. Для понимания этой фразы хозяин животного должен распознать разделение ролей слушающего и получателя.

Предложенное здесь разделение коммуникативных ролей, с одной стороны, не вынуждает включать в состав лингвистического исследования определения социального статуса собеседников и морально-нравственной оценки содержания коммуникации, с другой стороны, не является чрезмерно сложным. Причём предлагаемый подход поможет глубже понять смысл высказывания, что и проиллюстрируем на примерах.

На футболке мальчика лет трёх написан текст «Конфет при маме не давать – отберёт!». С формальной точки зрения говорящим является сам мальчик, ибо действие другого упомянутого человека (мамы) названо глаголом в третьем лице «отберёт», указывающим на лицо, не участвующее в общении. Если считать такое понимание верным, то «доброму человеку», желающему подарить ребёнку конфету, следует дожидаться, когда мамы не будет рядом, так как фраза «при маме не давать» каузирует сообщение «давать без мамы», хотя экспликация такой импликатуры будет неуместной.

На основе разделения фигуры адресанта на говорящего и отправителя предложим иную интерпретацию, более уместную в данной ситуации. Говорящим формально оказывается ребёнок, который не умеет читать и не мог выбрать текст. Истинным отправителем сообщения является мама, поскольку она одела ребёнка и выбрала надпись. Мама в целях безопасности против того, чтобы чужие давали ребёнку конфеты. Значит, выведен-

ная от лица ребёнка импликация неверна, нужно вывести иную, от лица мамы: «я постоянно слежу за своим ребёнком: не давайте ему ничего».

Эта интерпретация является верной, но поверхностной, так как выводится только человеком, который гуляет в парке и находит удовольствие в общении с чужими детьми, вероятно, пожилым. Он должен воспринять отрицательную оценку своей интенции общаться с чужим ребёнком, и отказаться от контакта. Но люди, не имеющие такой интенции, оказываются в позиции наблюдателя. Выведенную импликацию они не принимают на свой счёт, поэтому могут вывести из оригинальной формы и реального содержания сообщения характеристику отправителя (мамы): она обладает чувством юмора и независимостью, т. е. привлекательными качествами.

Таким образом, надпись на футболке ребёнка должна привлечь внимание к маме и даже намекнуть на желательность такого внимания, т. е. сообщение гласит не о конфетах, а о чувстве мамы. Помимо того, оригинальные тексты для футболок рекламируются фирмами-распространителями. Это значит, что помимо фигуры говорящего и отправителя у анализируемого сообщения был автор текста и производитель. Итак, анализ коммуникативных ролей, позволил как выявить коммуникативно уместное понимание сообщения, так и за очевидным пониманием обнаружить неочевидное.

Сходным образом можно интерпретировать табличку на заборе частного дома: «Я добегу до забора за 2 секунды, а ты?» – с изображением собаки. Говорящий, «я», – собака, отправитель – хозяин, поэтому выводимая импликация не предложение посоревноваться в беге до забора, а предупреждение не пересекать границу частного владения. Дальнейший анализ сводится к тому, что хозяин выбирает не обычную форму «злая собака», а «речь собаки», чтобы привлечь внимание к посланию.

Иную интерпретацию получает текст на табличке, навешиваемой на ручку двери: «Мама велела никому не открывать». Ребёнок является лишь номинальным говорящим, так как в том возрасте, когда мотив поведения «мама велела» действителен для ребёнка, он ещё не слишком мал. Взрослый отправитель, оставляя ребёнка одного, не стал бы привлекать к этому внимание проходящего мимо человека, поэтому вероятно, что отправитель находится в помещении, не желая, чтобы соседи беспокоили его. Он рассчитывает на «своего» адресата, который остерегаясь напугать ребёнка, оставленного в одиночестве, не станет стучать в дверь. Сообщение интерпретируется так: «Если ты попросишь открыть, то нарушишь этику».

Разделение коммуникативных ролей лишь одна, пусть и самая значимая возможность их комбинации, выявляемая при дискурсивном анализе фигур коммуникантов. Кроме того, возможно объединение и перераспределение коммуникативных ролей. В утилитарном дискурсе существует интракоммуникация, когда один человек выполняет все коммуникативные роли: например, секретарь оставляет сообщение себе, приклеив к папке листок с надписью «Отдать завтра на подпись», подобным образом информирует себя хозяйка, сама подписывающая баночки со специями.

Перераспределение коммуникативных ролей возможно за счёт передачи роли отправителя адресату. Например, если новый учитель просит учащихся поставить на столы таблички со своими именами, то в роли говорящего выступают ученики, но роль отправителя следует отнести учителю, поскольку именно он инициировал появление сообщения.

Из проведённого анализа можно вывести следующие утверждения:

1. В коммуникации следует различать реального коммуниканта (человека) и коммуникативную роль, ситуативно обусловленную.

2. Состав реальных коммуникантов обычно равен двум: адресат и адресант, но может и изменяться от одного до восьми с разными ролями.

3. Ни одна роль в коммуникации не является строго закреплённой за конкретным коммуникантом и релятивно реализуется в ситуации независимо от конкретных речевых действий (говорения, слушания).

4. Для коммуникативно уместной интерпретации дискурса следует учитывать соотношение коммуникативных ролей с составом коммуникантов.

Перечисленные утверждения могут считаться доказанными только относительно утилитарного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Киров Е.Ф. Когнитивная модель языковой деятельности // 10 Конгресс МАПРЯЛ Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания. Сборник докладов в 2-х тт. – Т. 1. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 243 – 250.
2. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике: вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 270 – 321.
3. Макаров М. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Москвин В.П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 168 с.
5. Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
6. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66 – 78.
7. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.